

< Авторы в канун открытия Дворца пионеров. На фото сверху (слева направо): В. Егеров, М. Хажакян, Ю. Ионов, И. Покровский, Б. Палуй. Внизу: Ф. Новиков, В. Кубасов

Статья посвящена истории проектирования архитектурного комплекса Московского дворца пионеров на Ленинских (ныне Воробьевых) горах, рассмотренной в контексте развития отечественной архитектуры. Отвечая на вопросы, как возник проект, каким путем шли авторы в поисках образа сооружения, автор показывает, что Дворец обозначил собой поворотный момент в истории российской архитектуры и стал одним из символов советского модернизма.

Ключевые слова: Н. Хрущев, оттепель, комплекс Дворца пионеров, модернизм, новая советская архитектура, конструктивные решения. /

The article refers to the history of design of the Moscow Palace of Young Pioneers architectural complex on Leninskie (now Vorobiev) Gory viewed in the context of evolution of the national architecture. While speaking about how the project came into being and which way was chosen to find the architectural character, the author proves that the Palace was a pivotal point in the history of Russian architecture and became one of the symbols of Soviet Modernism.

Keywords: N. Khrushchev; thaw period; Palace of Young Pioneers complex; Modernism; new Soviet architecture; constructive solutions.

История с двумя предысториями О проектировании Московского дворца пионеров / The History with Two Prehistories On the design of the Moscow Palace of Young Pioneers

Эта история возникла в 1958 году, 58 лет тому назад, но начать следует с предысторий.

Я поступил в МАРХИ в 1944 году и удостоился красного диплома в 1950-м за проект крытого стадиона, опоясанного парными колоннами в дорическом духе. Патрон этой работы Иван Соболев, построивший еще до войны на проспекте Мира дом с сюжетами помпейской живописи на фасаде, а после нее – дом, примыкающий к Концертному залу имени Чайковского, с литыми чугунными обрамлениями эркеров-витрин, пригласил меня и Игоря Покровского в свою мастерскую. Она располагалась на Красной площади под сводами ГУМа, служившего тогда вместелищем госучреждений разного уровня. Здесь же были мастерские Жолтовского, Алабяна, Парусникова, Полякова.

Практически сразу каждый из нас приступил к проектированию многоэтажного жилого дома. Они стоят по соседству на Семеновской набережной Яузы. Спустя год мы совместно сделали проект еще одного дома, ставшего много выше и больше двух предыдущих, вместе взятых. Мастер консультировал юных зодчих и доверил нам авторский надзор. Тогда же вчетвером, с однокурсниками Виктором Егеровым и Михаилом Константиновым, победив на конкурсе, мы получили право на строительство станции метро «Краснопресненская». Она открылась в марте 1954 года, став нашим первым объектом. Не было никаких сомнений в том, что до конца своих дней мы будем привер-

жены к классическим архитектурным формам.

Но 7 декабря того же года Никита Хрущев, поднявшийся после смерти Сталина на вершину партийной власти, собрал в Кремле Всесоюзное совещание строителей и провозгласил свою архитектурную «перестройку». От него мы впервые услышали это слово, и она явилась одним из первых знаков наступившей оттепели. С архитектуры началось визуальное крушение сталинизма. Это потом, спустя 15 месяцев, в своей, тогда еще секретной, речи на XX съезде партии Хрущев осудит самого Сталина и сталинизм, породивший такую архитектуру. А тогда, поскольку сам Сталин был еще свят, вся вина за «излишества» легла на плечи зодчих. Мы одновременно лишились всех средств, из которых строили свою архитектуру, – арок, колонн, карнизов и т. д. и т. п. Хрущев сказал: «Здания должны иметь привлекательный внешний вид», но не сказал, как это делается. Спустя почти год явилось на свет партийно-правительственное постановление, открывшее путь обновления советского зодчества. Три положения легли в его основу.

1. Были названы адреса зданий и имена авторов, ставших объектом критики. Лишились своих должностей главные архитекторы городов и мастерских, их руководители, были отняты ранее полученные Сталинские премии. В числе жертв оказались признанные мастера Леонид Поляков и Алексей Душкин. Стало очевидным, что такой архитектуры власть больше не потерпит.

2. В тексте директивного документа было сказано: «Обязать... (далее перечислялись названия организаций, которых это касалось. – Ф. Н.) смелее осваивать достижения отечественного и зарубежного строительства». Понятно, что после столь решительного властного напутствия открылось окно в мир, и мы обрели в западном опыте искомый импульс обновления.

Тогда нам открылось и свое прогрессивное наследие, мы по достоинству оценили постройки Мельникова, братьев Весниных, Голосова, проекты Ивана Леонидова. Но только они не могли послужить образцом к действию. По той простой причине, что наш авангард был опытом четвертьвековой давности, опирался на кустарное строительное производство, а нам нужны были новые технологии, надо было увидеть и, мало того, пощупать, как делается новая архитектура.

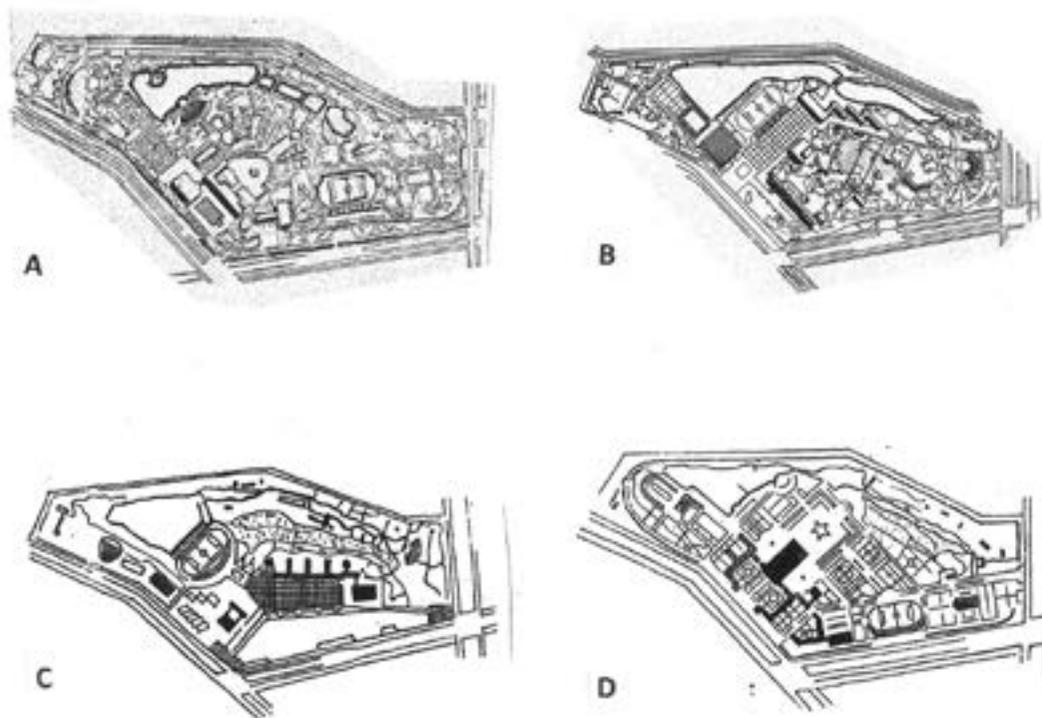
3. В постановлении была еще одна принципиальная установка. Предлагалось объявить конкурсы на типовые проекты. И они проводились по всей номенклатуре жилых и общественных зданий, щедрыми премиями, каких прежде не бывало. И дали искомый результат – проекты, отвечающие новым требованиям для любой постройки – жилого дома, детского сада, школы, магазина, кинотеатра, больницы и т. д. И в этом, бесспорно, было социальное начало.

Постановление вышло в свет 4 ноября 1956 года. Этот день я считаю днем зачатия советского модернизма. Как-то я получил

E-mail с вопросом: «Кто отец советского модернизма? Корбюзье, Мис, Кан?» Я ответил, что их можно считать крестными, а родной отец, бесспорно, Никита Хрущев. Подписав вышеупомянутое постановление, он оплодотворил им советскую архитектуру, и она породила модернизм. И я всерьез предложил директору недавно созданного Института модернизма Ольге Казаковой сделать вышеуказанную дату корпоративным праздником – Днем модернизма.

Для меня путь к обновлению профессионального сознания начался в 1956 году с проекта кинотеатра на тысячу зрителей, который был сделан совместно с Игорем Покровским и реализован в Москве по двум адресам: «Прогресс» на Ломоносовском проспекте (1958) и «Ленинград» на Песчаной улице (1959). Для нас обоих это был первый опыт строительства общественного здания. Параллельно с этим состоялись три конкурсных выступления. Первым из них был конкурс на проект советского павильона на международной выставке в Брюсселе (1956), исполненный той же «Краснопресненской бригадой», но не принесший нам успеха. А следующий, 57-й год обозначился двумя яркими событиями.

Первым из них стал VI Международный фестиваль молодежи и студентов. Это был замечательный праздник, которого прежде Москва никогда не видела. Моспроекту (тогда единственному) был поручен прием американской делегации, и Союз архитекторов СССР организо-

< Генеральные планы конкурсных проектов: А – бригада М. Хажакяна, В – мастерская Б. Мезенцева, С – мастерская И. Соболева, D – мастерская И. Жолтовского

вал прием всех гостей фестиваля, имеющих отношение к нашей профессии. Участвовать во всем этом было очень интересно. Но самое важное заключалось в другом. После проведения фестиваля осталась немалая сумма – десятки миллионов тогда еще крепких советских рублей. Их решено было потратить на строительство Дворца пионеров в Москве. Разумеется, будущие авторы об этом ничего не знали.

Вторым событием 57-го стала первая для меня зарубежная поездка в Италию совместно с коллегами мастерской-школы Жолтовского по маршруту, составленному самим мазетро. Какими же яркими были впечатления, в которых смешались восторг встречи с древностью и шок знакомства с современной архитектурой этой страны. Я с равной жадностью смотрел на то и другое, с той только разницей, что первое в большей мере давало пищу душе, а второе уму. Но когда автобус с нашей группой проезжал мимо строящегося Малого дворца спорта (Palazzetto dello Sport) Луиджи Нерви, мне и Покровскому с трудом удалось его остановить. Иван Владиславович не включил этот объект в программу, так же как и Квартал Всемирной выставки в Риме (EUR), который мы посетили вдвоем. Все было ясно без переводчика. С глаз постепенно спадала густая пелена догматизма. Можно сказать, что западные мастера возвратили нам эстафетную палочку, которую 20 лет назад власть отняла у мастеров советского авангарда.

Вернувшись, мы той же четкой выступили в конкурсе на проект Дворца Советов, расположенного теперь на юго-западе Москвы. И хотя наше предложение, вдохновленное одним из главных зданий EUR – Дворцом конгрессов, содержало в себе некоторые узнаваемые черты архитектуры фашистской Италии, это не помешало нам получить одну из десяти поощрительных премий и право участия во втором туре конкурса. Здесь нам пора обратиться ко второй, не менее значимой предыстории.

Ее кратко изложил Игорь Казусь в статье «Эталон советского модернизма», опубликованной к 50-летию открытия Московского дворца пионеров в журнале «Архитектурный вестник» (2012. № 3). Он пишет: «Дома пионеров были в СССР значимым социальным явлением. Первый из них открылся в Москве, в Хамовническом районе, уже в 1923 г. После постановления СНК РСФСР от 26 декабря 1932 г. о развертывании внешкольной работы среди детей только в Москве к 1939 г. было организовано 13 районных домов пионеров¹. В 1936 г., после обращения группы педагогов к руководству столицы, Московский городской комитет ВКП(б), который возглавлял Н. С. Хрущев, в будущем особняке, возведенном по проекту Р. И. Клейна (1900), был открыт Общегородской дом (дворец) пионеров. В начале 1950-х гг. в ходе приспособления к растущим потребностям на его территории по проекту А. В. Власова был построен Зеленый театр на 800 мест

и спортплощадка. В реконструкции активно участвовал М. Н. Хажакян (Гипрокоммунстрой). Но проблему дальнейшего развития Дворца в его старом здании решить было невозможно.

Поэтому при поддержке К. С. Алабяна и А. В. Власова группа сотрудников Дворца через Моссовет снова обратилась с инициативным письмом к Н. С. Хрущеву, тогда уже первому секретарю ЦК КПСС и председателю Совета Министров СССР, и в начале 1958 года было принято решение о строительстве на Ленинских (ныне Воробьевых) горах нового здания. Местоположение участка площадью около 60 га, хотя и в отдалении от центра, но с живописным рельефом, соответствовало градостроительным тенденциям 1950-х годов с их предпочтением новых территорий, дававших простор воплощения планировочных идей. Проектирование Дворца сначала было поручено группе М. Н. Хажакяна, которая проделала значительную работу по уточнению программы комплекса и выработала совместно с работниками ЦК и МГК ВЛКСМ (выступившим заказчиками), врачами и многими другими специалистами методические основы будущего проекта».

Всего этого будущие авторы Дворца тоже не знали.

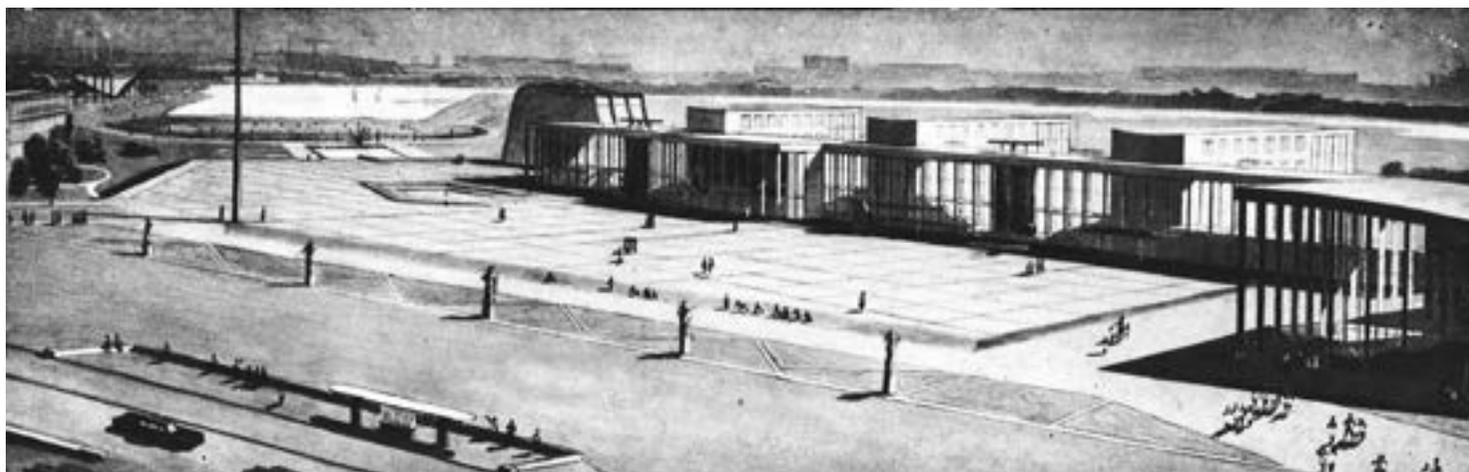
А теперь обратимся к дальнейшей истории Дворца. В феврале 1958 года проект группы М. Н. Хажакяна был готов в карандаше и в консультативном порядке показан архитектурному совету столицы. Однако проект не понравился, и

1. В целом по стране к 1957 году действовало 2 153 таких учреждения, а к концу 1980-х – свыше 3 800.

главный архитектор Москвы Иосиф Ловеико решил провести конкурс и создать для этого в Моспроекте молодежные бригады. Заказчик эту идею поддержал. Одна бригада была создана в мастерской-школе И. В. Жолтовского, вторая в мастерской Б. С. Мезенцева, которой по территориальному делению принадлежал участок Дворца. В ее состав также вошли коллеги из мастерской Д. И. Бурдина. Возглавил бригаду Борис Палуи, а оба руководителя были назначены консультантами.

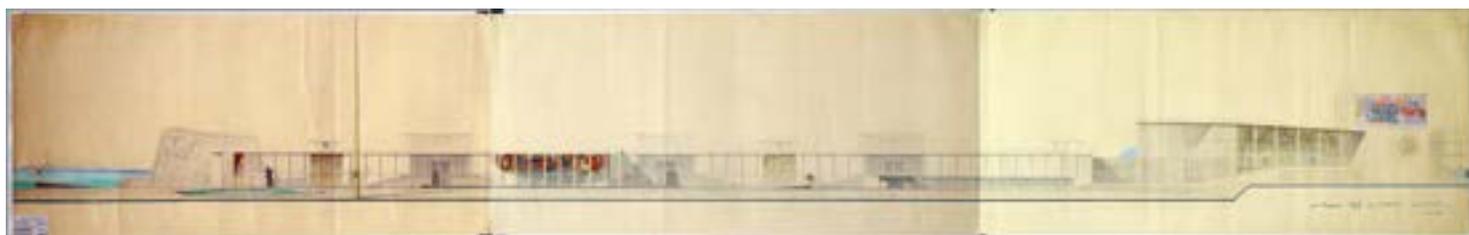
Третья авторская команда сложилась в мастерской И. Н. Соболева, куда к моменту объявления конкурса перешел Виктор Егоров. Мы все были в одной бригаде в равных должностях. Покровский считался бригадиром, и подчинялись мы непосредственно мастеру. Константинов работал в Гипроречтрансе – Институте министерства речного флота – и примкнуть к нам не мог. В качестве четвертого члена команды дирекцией был предложен Владимир Кубасов из мастерской Ю. Н. Швердяева. Оба руководителя стали консультантами, и третьим в этом качестве был назначен К. С. Алабян. В его мастерской работал еще один кандидат в авторы, которого не отпустили текущие дела. Четвертым участником конкурса была бригада Хажакяна. Всем был дан срок два месяца.

Конкурсантам предлагался участок площадью 54 га, примыкавший к Воробьевскому шоссе, проспекту Вернадского и Университетскому проспекту, – место замечательное

^ Проект, принятый за основу. Архитекторы В. Егерев, В. Кубасов, Ф. Новиков, И. Покровский. Общий вид площади парадов

v То же. Панорама главного фасада Дворца пионеров

и весьма живописное. С перепадом рельефа до 30 м, с ценными породами деревьев, оставшихся здесь от питомника Академии наук. Программа подразумевала создание комплекса зданий со множеством функций, отвечающих всему разнообразию интересов детей. Вопрос был в том, как это сделать. У нас определилось три варианта. Композиционная основа в них была общая, отличия состояли в функциональном решении. Времени оставалось мало, и надо было сделать выбор. Мы позвали консультантов. Первым четко определился Каро Алабян. Соболев и Швердяев с ним согласились.

Все четыре проекта были представлены в срок, выставлены в Белом зале Моссовета и рассмотрены на совместном заседании Архитектурного совета города Москвы и правления Московского отделения Союза архитекторов СССР. Экспертизу возглавил Академик Николай Колли.

Проект А (бригада Хажакяна) располагает зданием Дворца и парадное пространство комплекса на углу проспекта Вернадского и Воробьевского шоссе. В проекте Д

(мастерская Жолтовского) композиция главного здания обращена к Воробьевскому шоссе, открываясь к нему глубоким курдонером. Проект В (мастерская Мезенцева) разворачивает парадное пространство по поперечной оси участка, расчленив Дворец на отдельно стоящие здания, расположенные на нижнем плато отведенной территории. Проект С (мастерская Соболева) предлагает устроить главный вход и входную аллею на углу шоссе и проспекта, размещает площадь парадов в глубине территории по ее продольной оси и объединяет основные функции Дворца в единый комплекс, стоящий на верхнем плато. За основу для дальнейшей работы принимается проект С.

Спустя недолгое время Иосиф Ловейко пригласил к себе победителей. Кто-то был в отпуске, кому-то нездоровилось. На месте оказался только я, и в единственном числе явился к главному архитектору города. Он показал мне проект приказа о составе авторского коллектива, где кроме нашей четверки, присутствовал Борис Палуй. «В их проекте тоже есть кое-что хоршее», – сказал Ловей-

ко в защиту кандидатуры пятого автора. Нет проблем. Он тоже с нашего курса – сработаемся. А шестым в списке был Хажакян. И мало того, против его фамилии было написано: главный архитектор проекта, бригадир. Тут есть опасность. Мы его не знаем. Не задумываясь, я сказал: «Напишите еще, что он Таврический!» Ловейко отреагировал, вычеркнув слово бригадир. Но без главного архитектора в таком деле не обойдешься. Мы все по должности только групповые. Так нас стало шестеро. Затем всю команду, учитывая территориальную принадлежность объекта, перевели в мастерскую Мезенцева, и мы вместе с ней переехали в пустое здание школы на участке Дворца. И тогда Мезенцев приобщил к авторской группе молодого конструктора Юрия Ионова. Он был блестящим специалистом в расчетах и конструировании и, что редко встречается, понимал архитектуру. Таким образом, нас стало семеро и мы обрели нового руководителя мастерской. Неясно было, как сложатся отношения. Притом что трое из нас, Егерев, Палуй и Покровский, – его ученики, относящиеся к нему

весьма почтительно.

Вскоре возник конфликт. Дело в том, что у мастера было свое видение решения задачи, и оно проявилось в проекте его бригады. И он дал нам ряд советов, решительно разрушавших затею. Конечно, это нас встревожило, и мы позвонили Алабяну. Он приехал. Мы все сидели вокруг макета, и Каро Семенович, обращаясь к Мезенцеву, твердо сказал, что все здесь правильно и ничего трогать не следует. И тем самым, утвердил нашу автономию. На всю дорогу. Мастер больше не вмешивался в наши дела. Только та встреча с Алабяном оказалась последней. Он вскоре покинул этот мир.

В новом составе нам следовало сделать проект Дворца в полном объеме, со всеми сопутствующими инженерными разделами и сметными соображениями, иначе говоря проект, подлежащий должному утверждению. Тут надо сказать, что вместе с Хажакяном в нашу бригаду пришли архитекторы Валерия Ларионова, Эля Лихтенберг и Аркадий Половников, ставшие нашими соавторами.

^ Общий вид комплекса Дворец пионеров.

Архитекторы В. Егерев, В. Кубасов, Ф. Новиков, Б. Палуй, И. Покровский, М. Хажакян. Констр. Ю. Ионов.
Соавторы – В. Ларионова, Э. Лихтенберг, А. Половников.

29 октября 1958 года отмечалось 40-летию комсомола. По этому случаю состоялась символическая закладка Дворца, с барабанами и фанфарами, с молодежным митингом и установкой красного гранитного блока с надписью об этом событии. Он и сейчас стоит на площади парадов.

Вскоре проект, одобренный Градостроительным советом, был представлен заседанию исполкома Моссовета. Доложил его членом столичного ареопага сам Иосиф Ловейко. Кто-то из членов исполкома бросил реплику: «Разве это Дворец? Мы что, не знаем, какие бывают Дворцы?» Главный архитектор Москвы парировал: «На этом проекте мы научим вас понимать новую архитектуру!» Но утвердить проект должен был заказчик - Центральный комитет комсомола. Для знакомства с ним в мастерскую явились все секретари ЦК, включая первого, тогда Владимира Семичастного. Слушали доклад Хажакяна, разглядывали макет, задавали вопросы, и проект одобрили.

Дети приходят во Дворец за мечтой о своем будущем. Здесь ее обитель. Но как возник этот проект? Почему он стал таким? Каким путем шли авторы в поисках образа сооружения? В дневниках известного французского писателя Жюль Ренара есть такая запись: «Повесть, которую я пишу, уже существует, она с предельным совершенством написана где-то в воздухе. Все дело в том, чтобы найти ее и списать». В воздухе второй половины 50-х годов содержалась востребованность

новизны. Была в нем некая духовность, вызванная оттепелью, широкой демократизацией жизни страны, Всемирным фестивалем молодежи и студентов, первым спутником и случившимся вскоре триумфальным полетом Гагарина.

Будущий Дворец пионеров тоже был нарисован где-то в том воздухе, как и все новации шестидесятников в поэзии, театре, музыке, кинематографе, во всех сферах искусств. И должно быть, нам удалось найти то изображение и старательно его срисовать. Дворец, хоть и изрядно покалеченный за более чем полвека эксплуатации, и поныне несет в себе дух того времени.

31 мая 2012 года, в канун 50-летия открытия Дворца, в Музее архитектуры имени Щусева состоялась инициированная мной однодневная выставка «Дворец, каким он был», собравшая здравствующих авторов – архитекторов и художников – и множество коллег, которым встреча с нами была интересна.

Выступивший первым Виктор Егерев сказал, что главным фактором, стимулирующим наше решение, была природа. Выступив вслед за ним, я возразил, что таким фактором стало время. Убежден в том, что если бы данный конкурс состоялся всего лишь четырьмя годами раньше в той же природе те же эксперты и то же почтенное собрание признали бы победителем проект мастерской-школы Жолтовского. Да и сами победители, будь тот конкурс в 1954-м, сделали бы что-нибудь в том же духе.

Проект утвержден. Можно приступать к рабочему проектированию. Но до того мы встретились с подрядчиком. Это были лучшие строители столицы, которым поручались самые значимые объекты. Трест «Мосстрой-4» только что завершил строительство посольства КНР в Москве – крупного представительского комплекса. Это было их достижение. И они предложили нам взять столярку посольства, облицовку фасадов посольства – словом, во всем опереться на этот их опыт. Мы решительно отказались. Сказали, что все у нас будет свое: облицовка, столярка и все прочее будет как на Дворце пионеров. Вскоре началось строительство. А когда завершались работы нулевого цикла и очертания зданий четко воспринимались из окон школьного класса, в котором мы работали, пришел заказ на проект второго тура конкурса Дворца Советов. Конечно, был соблазн участия. Как поступить? Егерев, я и Покровский обсуждали эту проблему. Игорь, взглянув в окно, сказал: «Вот наш Дворец! Хватит одного!»

Как мы работали всемером? Интересный вопрос. У каждого был один голос, и у Хажакяна тоже один. Здесь я должен сказать, что Михаил Николаевич, будучи старше самого старшего из нас на 10 лет, оказался замечательным человеком – теплым, душевным, дружелюбным. Своего старшинства по должности он никак не педалировал. Притом что отлично исполнял функции главного архитектора, полностью освободив всех

остальных от плановых и финансовых проблем, от организации работ с субподрядными проектными институтами.

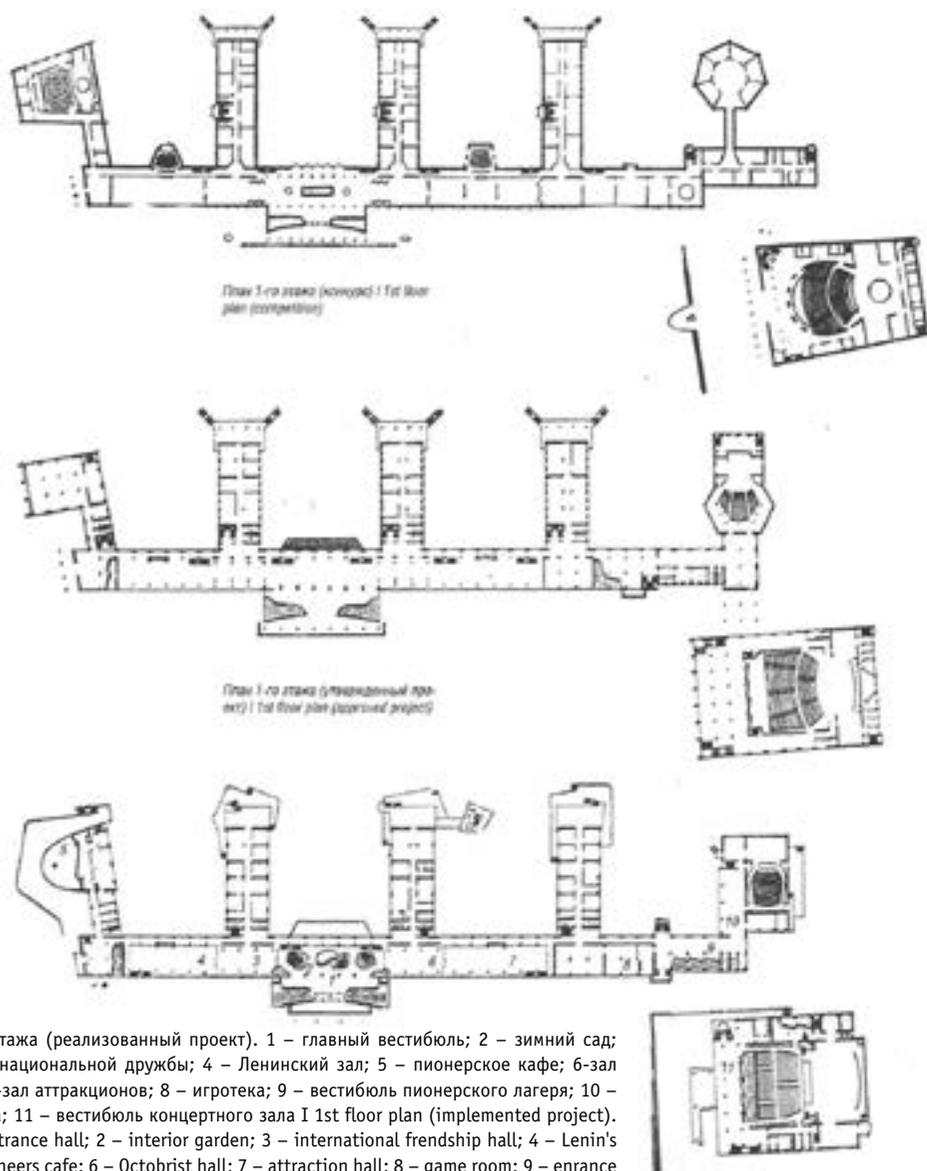
Разумеется, каждому была определена сфера ответственности. Егерев занимался главным корпусом и учебными блоками, Покровский корпусом аудитории, Палуй концертным залом, Новиков театральным блоком, Кубасов главным фасадом и витражами. У каждого были и другие сферы ответственности. При этом все принципиальные решения обсуждались и каждый располагал правом делать свои предложения для любой зоны комплекса. Мы это называли «перекрестным опылением». По большей части мы проходили к общему мнению без голосования, но иногда вопрос решался большинством голосов. Конфликтов меж нами не случилось ни разу. Работалось замечательно. Мы не коллективом были, не командой и не бригадой – мы были, как пионеры, дружиной.

Во всем мы искали новое. В композиции, в архитектурных формах и деталях, в конструкциях и материалах, в технических решениях. В этом поиске нового мы меняли проектные решения и даже формы зданий. К примеру, в проекте не было входного козырька концертного зала и рельефа «Музыка». Практически это был непрерывный процесс до последнего дня. Последовательную разработку архитектурного облика главного здания характеризует эволюция планов и его фасадного решения. В конкурсном проекте корпус ау-

^ Главный вход во Дворец пионеров
Художники Е. Аблин, А. Губарев, Г. Дервиз, И. Лаврова, И. Пчельников

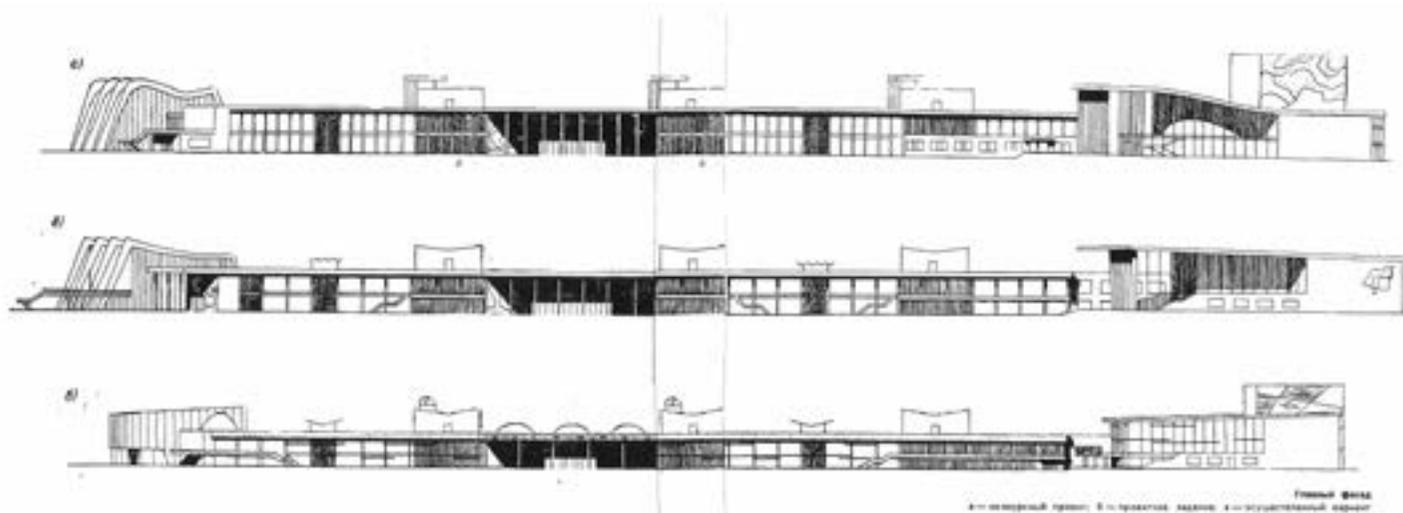
v Эволюция планов Дворца пионеров

План 1-го этажа (реализованный проект). 1 – главный вестибюль; 2 – зимний сад; 3-зал интернациональной дружбы; 4 – Ленинский зал; 5 – пионерское кафе; 6-зал октябрят; 7-зал аттракционов; 8 – игротека; 9 – вестибюль пионерского лагеря; 10 – фойе театра; 11 – вестибюль концертного зала I 1st floor plan (implemented project). 1 – main entrance hall; 2 – interior garden; 3 – international friendship hall; 4 – Lenin's hall; 5 – pioneers cafe; 6 – Octobrist hall; 7 – attraction hall; 8 – game room; 9 – entrance hall of pioneers camp; 10 – theatre lobby; 11 – entrance hall of the concert place

дирекции был нарисован подобным известному образцу. Некогда было отыскивать свое решение. Были другие варианты, а нашлось то, что было нужно, когда Юрий Ионов спросил: «Хотите поставлю аудиторию на одну опору? Ответ был утвердительный, и корпус обрел полуовальную в плане форму. Были попытки найти активную форму для театрального блока, а в итоге стало ясно, что здесь она не нужна. Рельеф «Музыка» и козырек концертного зала возникли, когда стройка близилась к концу, а правая от входа лестница, ведущая в фойе, сначала была построена в другом варианте. Неудача была очевидна, и, сломав ее, мы построили другую. Высота главного корпуса последовательно дважды снижалась от конкурса к проекту и к натуре, ширился ритм опор, определялся должный масштаб постройки, ее образный строй. Мы построили не то, что нам утвердили. Дворец стоял в глубине участка, и никто не видел, что мы там творим. Некоторые решения можно было посчитать авантюрами – иногда по незнанию, а подчас и намеренно. Случались забавные ситуации.

К примеру, зал пионерского театра по проекту решено было облицевать деревянной рейкой светлого тона. При согласовании с пожарниками выяснилось, что необходима глубокая противопожарная пропитка древесины. Я приписал соответствующее примечание и получил согласование. А когда стало понятно, что пропитка портит поверхность реек, от нее

^ Эволюция фасада Дворца пионеров

отказались. И вдруг на стройке появился пожарный инспектор и спросил столяра, пришивающего к кружалам очередную рейку, чем она пропитана. Он ответил: «Известно чем, нитролаком». А на вопрос «Горит?» ответил: «Еще как горит!» И показал большой палец. Инспектор приказал прекратить работы. Строители продолжали. А мы нашли научный противопожарный институт и пригласили консультанта. Он сказал, что помочь ничем не может. Нужна пропитка. Других средств нет. И вот зал готов, и Дворец готов, а проблема не решена. Неужели придется разбирать потолок? И тогда на стройку на красной «чайке» приехал генерал – главный пожарный Москвы. Вошел в зал, огляделся. Видно было, что зал ему нравится. Стоящий за его спиной полковник, командующий нормативными делами, сказал: «Товарищ генерал, легко воспламениться может». Выдержав паузу, генерал произнес: «Потушить тоже легко».

В конкурсном проекте были намечены примерные места расположения монументальных произведений. Мы обратились в комбинат декоративного искусства с идеей проведения конкурса художников. И он состоялся. Из четырех поступивших предложений мы выбрали то, что нам понравилось, и, соответственно, авторов победившего проекта. Это были Евгений Аблин, Григорий Дервиз, Ирина Лаврова и Игорь Пчельников. Потом мы вместе уточнили места для каждой композиции,

темы и технику исполнения. Здесь тоже были свои новации, например панно из цветного кирпича. Некоторые художественные работы исполнялись по нашим эскизам и шаблонам. Так было сделано панно «Пионерская геральдика» на сценической коробке концертного зала. Занавес для него был выполнен по эскизу Покровского.

Занятный эпизод случился с панно «Игры детей мира» в фойе концертного зала, где Ирина Лаврова в боковом нефе изобразила девочку, играющую на скрипке, и в первом ряду зрителей она посадила архитекторов, а во втором художников. Что называется, «автопортрет в интерьере». Кому-то это не понравилось, и в ЦК комсомола поступила анонимка. Разбираться с этим делом на стройку явилась секретарь ЦК комсомола и председатель Центрального совета пионерской организации Л. Балясная. Мы ей сообщили, что это древняя традиция, что художники и архитекторы часто рисуют себя в своих произведениях, и она отнеслась к этому одобрительно.

И вот Дворец готов. Есть такой момент в процессе завершения любого объекта, когда все уже сделано, идет наладка инженерных систем, здание практически пусто, а будущего хозяина в нем еще нет. Оно как бы принадлежит автору. Если работа удалась, то это состояние. А Дворец удался. Он стоял – новенький, с иголочки, на зеленом газоне площади парадов. И флагшток поднялся на 55 метров. Это было здорово!

В день открытия комплекса на площади был построен многолюдный пионерский парад. Авторы ждали гостей у входа в корпус аудитории. Первый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлов представил нас Хрущеву. После чего он и вся свита расположились в автопоезде, который совершил объезд вокруг комплекса, дабы показать понараму паркового фасада, панно «Небо», «Земля», «Вода» и сам парк. Покровский давал пояснения. Вернувшись на площадь, поезд подкатил к главному входу. Хрущев разрезал ленточку, и все вошли в зимний сад.

Поначалу показалось, что Хрущев в дурном настроении. Однако он постепенно теплел. Войдя в зал октябрят и заметив, что зелень ковра за стеклом витража продолжается зеленью прилегающего к витражу газона, обратившись к мэру Москвы Николаю Дыгаю, сказал: «Смотри, архитекторы, а соображают». Тот нестатки брякнул: «Так они же молодые!» Хрущев в ответ: «А старые не соображают, что ли?»

Потом, когда вошли в фойе концертного зала, он заметил эффект огромной зеркальной стены, удваивающей пространство, и воскликнул: «Жулики!» Звучало это одобрительно. А взглянув на потолок с открытыми прокатными вафельными плитами, подозвал Александра Власова, бывшего тогда первым секретарем Союза архитекторов, и сказал: «Вот так надо!»

После осмотра все вышли на площадь, и Хрущев, подойдя к гранитной трибуне, обратившись

к пионерскому строю, произнес речь, содержащую в себе, неожиданную для авторов похвалу Дворцу. Он сказал: «Хорошо, очень хорошо вы все тут сделали. Мне очень понравилась выдумка архитекторов и художников... Это сооружение я считаю хорошим примером проявления мастерства и архитектурно-художественного вкуса... Думаю, что в оценке таких сооружений трудно достичь единого мнения. Кому-то нравится, кому-то не нравится. Но мне нравится ваш Дворец, и я высказываю вам свое мнение». Услышать такое от самого Хрущева, поносившего до того архитектурное сообщество со всех трибун! И конечно, эти слова послужили поддержкой не только Дворцу, но и всему модернистскому движению.

Скажу, что пресса уделяла внимание Дворцу: и на стадии проекта, и в процессе строительства было немало публикаций как в профессиональной, так и в общей печати. Репортаж об открытии, речь Хрущева были опубликованы во всех газетах – от «Правды» до «Пионерской правды». Архитектурные и строительные журналы страны, журналы «Искусство», «Творчество», «Декоративное искусство СССР» публиковали обширные аналитические материалы. Оценки были похвальные.

Дворец трижды выдвигался на Ленинскую премию, и на это пресса тоже реагировала положительно.

Надо отметить одно обстоятельство. Дело в том, что Хрущев отлучил архитектуру от искусств,

< Концертный зал.
Скульпторы
И. и Ю. Александровы, А. Васнецов,
Т. Соколова, В. Эльконин

v Стена земли на Панно «Земля»

и это нашло выражение в разных формах, в том числе в том, что рассмотрение архитектурных объектов, представленных на премии, было переведено из Комитета по искусству в Комитет по науке и технике, где уважаемые академики к нашему делу относились скептически. Нас «прокатили» дважды, а на третий раз Хрущев был снят со всех постов, точно в тот день, когда работа была представлена в Комитет. Тут уж и его похвала работала против нас. Впрочем, возможно где-то там сложили, что для столь высокой премии нас слишком много. Спустя три года была учреждена Государственная премия РСФСР, и мы получили ее в качестве сюрприза без всяких

представлений с нашей стороны.

Дворец служил витриной советской архитектуры 60-х. Было множество экскурсий. В последний год строительства мастерская переехала в другое место, а я вел постоянный авторский надзор (остальные авторы бывали на стройке пару раз в неделю). А потому мне случалось показывать Дворец посещавшим его зарубежным гостям Союза архитекторов. В их числе был великий Алваро Аальто, явившийся с супругой без переводчика. По этой причине маэстро мне ничего сказать не мог. Впрочем, известно, что финны славятся молчунами. Есть у них такой анекдот: «Мужчина пришел к женщине. Провел с ней

всю ночь. Так и не сказал, зачем приходил». Я водил по Дворцу Луисю Косту – создателя генплана новой столицы Бразилии. По завершении осмотра он положил мне руку на плечо и спросил, сколько мне лет. Мне было 34.

Константин Симонов и его жена искусствовед Лариса Жадова привезли во Дворец Жан-Поля Сартра с Симоной де Бовуар. Мы с Покровским показали им парк и здания, а потом с кофе и коньяком вели беседу в ресторане гостиницы «Юность». Сартр спросил: «Как это советская архитектура преобразилась столь решительно и в столь короткий срок?» Я не помню содержания нашего ответа, но сам вопрос свидетельствовал о признании свершившегося факта. Вместе с Покровским мы водили по Дворцу Надежду Леже и Жоржа Бокье, я показывал Дворец известным путешественникам Зигмунду и Ганзелке.

Полагаю, что Дворец пионеров обозначил собой поворотный момент в истории советской архитектуры, став, как теперь говорят, точкой бифуркации. Дело в том, что в этой работе, как ни в какой другой до того, сосредоточился комплекс проблем, получивших новаторское решение. Завершенные до него кинотеатр «Россия» и Дворец съездов в Кремле – это здания, а в проекте Дворца пионеров решались достаточно сложные градостроительные задачи. Редкое по многообразию сочетание функций сложилось в развитую пространственную композицию. Здесь впервые были

реализованы многие конструктивные решения, многие материалы применялись во Дворце по-новому или впервые. Синтез искусств в его современном выражении впервые был осуществлен в таком масштабе. И в решении интерьеров тоже были новации. И хотя Дворец был завершен позднее названных выше сооружений, конкурс прошел прежде, чем появились эти проекты. Я думаю, что роль Дворца пионеров в становлении советского модернизма та же, что и роль конкурса на проект Дворца труда в становлении конструктивизма и конкурса на проект Дворца Советов в утверждении сталинского архитектурного стиля. С той только разницей, что проект Дворца пионеров был осуществлен и стал зримым манифестом новой советской архитектуры. Конечно, были и ошибки. Были решения, которые не выдержали испытания временем. Это я не отрицаю.

Историю Дворца можно было бы на этом завершить, если бы не один вопрос, которым прежде не задавался ни один из авторов, так же как и никто из многочисленных критиков, исследователей, историков советской архитектуры, так или иначе писавших о Дворце пионеров. Он возник в моем подсознании недавно, когда я случайно сопоставил две даты: день открытия Дворца – 1 июня 1962 года – и событие, случившееся в том же году 1 декабря, – посещение Хрущевым выставки в Манеже, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников, за которым

< Панорама паркового фасада

последовал известный скандал. А вопрос следующий: почему в своей речи на открытии Дворца Хрущев сказал: «Кому-то нравится, кому-то не нравится. А мне нравится ваш Дворец!» Почему? Кому он не нравился? И как это мнение было доведено до Хрущева? Я полагаю, что нашел ответы на эти вопросы и здесь впервые их изложу.

Сейчас перед входом на территорию Дворца стоит памятник Мальчишу-Кибальчишу. Его сделал скульптор Вадим Фролов совместно с Кубасовым в 70-е годы. А поначалу на этом месте предполагалось поставить работу Эрнста Неизвестного «Космонавт», который мыслился нами как символ пионерства. Руководство Союза художников этому воспрепятствовало. Каким образом? Достаточно было позвонить по «вертушке» (так называлась тогда правительственная телефонная связь) первому секретарю ЦК комсомола с должной рекомендацией, чтобы договор не был подписан.

Отрицательное отношение к архитектуре Дворца и в особенности к монументальным произведениям сложилось в руководстве Союза художников (Сергей Герасимов) и Академии художеств (Владимир Серов). Никому не известные молодые люди получили такую ответственную работу и позволяют себе сомнительные новации, подражая западным образцам. Разумеется, звонить Хрущеву им по рангу не позволялось, но сообщать об этом своему куратору – заведующему отделом культуры ЦК партии Дмитрию

Поликарпову – они считали своим долгом. Мнение ведущих мастеров изобразительного искусства было доложено руководителю партии и страны перед его визитом во Дворец. Возможно, это обстоятельство было причиной его мрачного настроения. Что бы случилось, если бы Дворец вызвал недовольство

Хрущева? Но ровно через полгода – 1 декабря – те же Герасимов и Серов привели Хрущева в Манеж на выставку, посвященную 30-летию МОСХ, и там столкнули его с Неизвестным, создав знаменитый скандал. Это был реванш. Но только архитектуры он уже не касался.

Феликс Новиков / Felix Novikov

v Зимний сад

